
ВВЕДЕНИЕ

Изменения практик производства, распространения и конкуренции политических идей – существенная составляющая постсоветской трансформации¹, которая порой выпадает из поля зрения исследователей. Контраст между позднесоветским обществом, в котором прочно доминировала официальная коммунистическая идеология, и плюрализмом доктрин и программ, обнаруживаемым в современном публичном пространстве, очевиден. Но как этот плюрализм «задействован» в политическом процессе, в какой мере конкуренция идей влияет на поведение элит и рядовых граждан? И наоборот, насколько артикулированные в публичном пространстве идеи отражают наличный спектр общественных настроений? В теории демократии свобода выражения мнений рассматривается не только как основное право человека, но и как одно из фундаментальных условий демократического правления. «Качество» политических коммуникаций определяется тем, насколько они способствуют достижению гражданами «просвещенного понимания» вопросов, по которым принимаются властные решения (термин Р. Даля)². Конкурирующие политические программы формируют спектр альтернатив, в рамках которого граждане могут осуществлять свой выбор. Таким образом, значение имеет не только возможность высказать те или иные взгляды, но и способность разных акторов представить более или менее ясные способы понимания и решения общественных проблем, а также донести эти представления до нужной аудитории.

Производство смыслов является существенным условием Политики в эпоху Модерна, ибо в соответствии с *современными* принципами легитимации власти принятие политических решений предполагает постоянную коммуникацию по поводу их объяснения и оправдания. Такой формат политического обусловлен развитием институтов

¹ Мы предпочитаем говорить о «постсоветской трансформации» не только в силу того, что этот термин указывает на исходную точку описываемых здесь процессов, оставляя открытым вопрос об их результатах, но и потому, что, по нашему убеждению, особенности позднесоветских институтов, практик и представлений оказывают значительное влияние на форму и содержание происходящих изменений. Конечно, степень этого влияния применительно к разным аспектам политической жизни варьируется.

² Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 166–167.

разделения властей, парламента и прессы, которые стимулировали выработку «публичных идей», увязывающих политический курс с тем или иным пониманием общественных и/или групповых интересов. Именно необходимость давать объяснения по поводу принимаемых решений *читающей публике* в свое время предопределила расцвет классических идеологий¹. При этом *публичная сфера* как социальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются общественно значимые проблемы, формируется во всех модернизирующихся обществах – не только там, где складываются устойчивые демократические институты. Другими словами, не только там, где у правящих есть институциональные стимулы для артикуляции идей в контексте объяснения принимаемых решений управляемым, перед которым они ответственны. Институты, в рамках которых циркулировали идеи и формировалось общественное мнение – газеты, журналы, салоны, клубы и гражданские ассоциации, возникали и там, где не было парламента, свободных выборов и политических партий². Хотя, разумеется, эти институты работали иначе; причем различия определялись не только мерой свободы высказывания, но и стимулами, которые существующая система политических и социальных институтов создает для «производителей смыслов».

Очевидно, что современный российский политический режим по многим параметрам (в том числе и с точки зрения практик публичной коммуникации) не вписывается в идеально-типические рамки демократии даже при узкопроцедурном ее понимании. Однако он существенно отличается и от позднесоветского. Как справедливо отметил К. Рогов, «мягкий, “электоральный” авторитаризм, хотя и стремится редуцировать прямое влияние общества на правительство, в то же время весьма озабочен проблемой общественного мнения... В свою очередь, и общественное мнение в условиях подобных режимов об-

¹ См.: Pombeni P. Ideology and Government // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. № 1. P. 61–62.

² В том числе и благодаря этой «инфраструктуре» и связанным с нею практикам идеи, вырабатывавшиеся в одном политическом контексте, легко переносились в другой, подвергаясь при этом большей или меньшей адаптации. Ярким примером тому является история русской общественной мысли в XVIII – начале XX в. По точной характеристике С. Маккфрей и М. Меланкон, «Россия долгого XIX века – это своеобразная лаборатория для изучения рождения публичной сферы в отсутствие республиканских институтов» (McCaffrey S.P., Melancon M. Introduction: A Member of the Family – Russia's Place in Europe, 1789–1914 // Russia in the European Context: A Member of the Family / Ed. by S.P. McCaffrey and M. Melancon. New York etc.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 7).

ладает значительной автономией от власти...»¹ Таким образом, деятельность, направленная на производство конкурирующих способов интерпретации социальной реальности, представляется значимой для политических акторов, даже если она прямо не влияет на политический выбор, а складывающуюся конфигурацию идейно-символического пространства приходится учитывать при анализе институтов и процессов. В силу этого существует потребность в изучении не только содержания представленных в публичном пространстве идеологических альтернатив, но и меняющихся институциональных условий их производства и конкуренции.

Исследования идеологий весьма активно развивались в 1990-х гг., когда многие российские политологи, философы и историки пытались анализировать комплексы идей, складывавшиеся в разных сегментах российского политического спектра, сопоставляя их с основными идеологическими традициями². Анализ, как правило, выявлял

¹ Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et contra. 2010. № 4–5 (50). С. 9.

² См.: Консерватизм в России. «Круглый стол» // Социс. 1993. № 1; Либерализм в России. М.: Луч, 1993; Новикова Л., Сиземская И. Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // Свободная мысль. 1993. № 15; Капустин Б.Г. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. 1994. № 3, 4; Капустин Б.Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии // Полис. 1994. № 5; Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса. (Основные интенции либеральной идеологии на Западе и в России) // Полис. 1994. № 3; Судьбы либерализма в России (Материалы «круглого стола») // Полис. 1994. № 1, 2; Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. № 1, 2; Социалистическое видение современности, или современное видение социализма (Обзор симпозиума) // Полис. 1994. № 5; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола») // Полис. 1995. № 4; Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. 1995. № 4; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М.: Памятники исторической мысли, 1995; Либерализм в России / Под ред. В.Ф. Пустарнакова, И.Ф. Худушиной. М.: ИФАН, 1996; Андреев А. Политический спектр России. Структуры, идеологии, основные субъекты. М.: Эдиториал УРСС, 1997; Согрин В.В. Либерализм в России: перипетии и перспективы // Общественные науки и современность. 1997. № 1; Прусс И.В. Рынок в будущее или движение по кругу? (Экономические взгляды современных русских националистов) // Полис. 1997. № 3. С. 53–64; Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России. (На примере партии «Демократический выбор России» и общественного объединения «Яблоко»). М.: Памятники исторической мысли, 1998; Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции. М.: Партиформ, 1998; Гостев С.Л. Общественно-политические организации радикально-националистического толка: их электорат и роль в современном политическом процессе // Вест-

наличие серьезных объективных и субъективных препятствий для развития тех или иных «измов» на отечественной почве. На этом этапе многое было сделано для «введения в оборот» и переосмысления наследия мировой и отечественной политической философии, причем теоретические изыскания нередко направлялись желанием «извлечь уроки» из опыта великих идеологов прошлого и настоящего. Стремление отечественных обществоведов не только изучать комплексы политических идей, но и участвовать в их разработке особенно ярко проявилось в середине 1990-х гг., когда многие с энтузиазмом включились в инициированный Б.Н. Ельциным поиск «национальной идеи», призванной сплотить фрагментированное общество. При этом не всегда удавалось сохранять дистанцию между позициями исследователя и идеолога. Тогда же предметом дискуссии стали механизмы формирования и распространения «национальной идеи». Одни авторы, уповая на частичное возрождение прежних методов «идеологической работы», полагали, что искомая система идей должна превратиться в новую государственную идеологию¹, другие же исходили из того, что интегративная идеология, призванная дать «язык символов, ценностей, смыслов, на котором пойдет общероссийский диалог», должна сформироваться благодаря целенаправленным усилиям гражданского общества².

ник Московского университета. Сер. 12. 1999. № 2; Гусев В.А. Становление третьей волны русского консерватизма (начало 1990-х гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 12. 1999. № 6; Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М.: Изд-во «Центр издательских и учебных программ», 1999; Алексеева Т.А. Либерализм как политическая идеология // Полития. 2000. № 1. С. 116–130; Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. М.: Эдиториал УРСС, 2000; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М.: ИФ РАН, 2000; Орлов Б.С. Социал-демократия как объект научных исследований в России. М.: ИНИОН РАН, 2000; Соловей В.Д. Национал-радикализм // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000 и др.

¹ Волков Ю.Г. Идеология в жизни современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6; Чубайс И.Б. Россия в поисках себя. Как мы преодолеем идейный кризис. М.: Изд-во НОК: «Музей бумаги», 1998; Мигранян А.М., Ельманов А.Ф., Соловей В.Д. Опыты государственной идеологии в современной России // Россия: поиск пути. М., 1999; Формирование новой российской идеологии. Материалы «круглого стола» // Свободная мысль. 2000. № 3, 4 и др.

² Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии. (Тезисы) // Полис. 1997. № 3. С. 18; см. также: Капустин Б.Г. Идеологии современной России: поиск модальности сопряжения // Этика успеха. Вып. 7. Тюмень – Москва, 1996. С.63–66.

В 2000-х гг. исследовательский интерес к теме современных российских идеологий несколько снизился, что отчасти объяснялось изменением условий и стимулов для их производства: с приходом к власти В.В. Путина политический пейзаж стал более монотонным, установка на «прагматизм» пришла на смену борьбе «идеологических принципов», и роль «идей» в политическом процессе свелась к легитимации осуществляемого властью курса и сугубо ритуальной демонстрации оппозиции. Вместе с тем, если в 1990-х гг. в центре внимания исследователей были великие «измы» (либерализм, консерватизм, социализм, в меньшей мере – национализм) и их преломление в контексте российской посткоммунистической трансформации, то в 2000-х гг. предметами анализа все больше становятся «разбавленные», «неполные» идеологии (thin ideologies, по терминологии М. Фридена¹), сфокусированные на отдельных аспектах политической повестки, а также конкретные идеологемы². Примечательно, что

¹ По заключению главного редактора британского «Журнала политических идеологий» М. Фридена, в конце XX в. мы все больше имеем дело не с «полными» (full) идеологиями, предлагающими целостную мировоззренческую картину мира, а с «разбавленными» (thin) идеологиями, которые уходят от широкой повестки дня, концентрируясь на определенных проблемах; при этом они могут произвольно тасовать концепты, более систематически разрабатываемые «полными» идеологиями (Freeden M. Political Ideology at Century's End // Journal of Political Ideologies. 2000. Vol. 5. № 1. P. 14).

² См: Бузгалин А.В. Альтерглобализм как феномен современного мира // Полис. 2003. № 2. С.71–85; Голосов Г.В., Шевченко Ю.Д. Глобализация и антиглобализм в политической жизни России // Власть и элиты в современной России / Под ред. А.В.Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М.Ковалевского, 2003. С. 399–412; Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологии современной России. М.: Academia, 2004; Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. От Ленина к Данилевскому: метаморфозы геополитических воззрений КПРФ // Полис. 2007. № 2. С. 124–136; Раскин Д.И. Русский национализм и проблематика культурно-цивилизационной идентичности // Полис. 2007. № 6. С. 36–44; Одесский М.П., Фельдман Д.М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109–123; Шаповалов В.Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 124–132; Малинова О.Ю. Дискуссии о государстве и нации в постсоветской России и идеологема «империи» // Политическая наука. 2008. № 1. С. 31–58; Казанцев А.А. «Суверенная демократия» в современной России: структура концепта и идеологемы // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. С. 394–407; Фадеичева М.А. «Непредставленная» идеология и дискурс «нашизма» // Там же. С. 407–418; Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4. С. 40–53 и др. Впрочем,

описывая российское идейно-символическое пространство, исследователи 2000-х гг. отдают предпочтение понятиям *дискурс*¹, *идея/тема*², *риторика*³, *политический стиль*⁴, *дискурсивные практики*⁵ и т. п.; *понятие идеологии*, имеющее устойчивую коннотацию системности и мировоззренческой последовательности, стало использоваться заметно реже, чем в 1990-х гг. Такая диверсификация терминов связана

появился и ряд исследований и учебных пособий, рассматривающих идеологическое пространство с точки зрения классических «измов»: Логос. 2004. № 6 (45). Тема: «Либерализм vs. консерватизм»; Российский либерализм: судьбы и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2004. № 6. С. 80–89; Шинковская Н.В. Политические идеологии в истории России: Учеб. пособие. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005; Суханова М.И. Зачем России две либеральные партии? // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 61–70; Калинин К.О. Русский национализм: сравнительный анализ 1995 и 2003 годов // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3. С. 64–76; Сирота Н.М. Политические идеологии: генезис и современные формы: Учеб. пособ. СПб.: ООО «ИКЦ», 2009 и др.

¹ Бляхер Л.Е. Российский политический дискурс и концептуализация становящегося политического пространства // *Полис*. 2002. № 3. С. 31–40; Петров К.Е. Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе // *Полис*. 2004. № 3. С. 140–154; Шестов Н.И. Идея единства страны и реформа российской политической системы // *Полис*. 2004. № 6. С. 110–118; Амоглонова Д.Д., Скрынникова Т.Д. Пространство идеологического дискурса постсоветской Бурятии // *Полис*. 2005. № 2. С. 53–63; Петров К.Е. Доминирование концептуальной многозначности: «сильное государство» в российском политическом дискурсе // *Полис*. 2006. № 3. С. 159–183; Гаврилова М.В. Смысловая модернизация русского политического дискурса (на примере экспликации концепта «государство») // *Полис*. 2007. № 3. С. 125–133; Канарш Г.Ю. К вопросу о российском дискурсе справедливости // *Полис*. 2008. № 5. С. 160–168 и др.

² Барсукова С.Ю. Неформальная экономика в зеркале идеологий // *Полис*. 2003. № 4. С. 39–49; Малинова О.Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах // *Наследие империй и будущее России* / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 59–102; Малинова О.Ю. Тема России и «Запада» в риторике президента В.В. Путина: Попытка переопределения коллективной идентичности // *Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен* / Отв. ред. и сост. Н.Ю. Лапина. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 292–315 и др.

³ Соколов М.М. Классовое как этническое: риторика русского радикально-националистического движения // *Полис*. 2005. № 2. С. 127–137.

⁴ Соколов М.М. Русское Национальное Единство: анализ политического стиля радикально-националистической организации // *Полис*. 2006. № 1. С. 67–77.

⁵ Фадеичева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // *Полис*. 2006. № 4. С. 53–87.

не только с освоением более широкого спектра методик эмпирического анализа и развитием специализации внутри политологического сообщества, но и с современными тенденциями развития идеологической сферы, которые стали особенно очевидны на рубеже нового тысячелетия.

Несколько утрируя, можно выделить два противоположных подхода к анализу российского идейно-символического пространства: «материалистический», рассматривающий его динамику как производное от эволюции политического режима¹, и «идеалистический», сфокусированный на выяснении внутренней логики развития тех или иных «измов» на российской почве (нередко – с упором на выявление отклонений от «классических» образцов и выработку рекомендаций по преодолению таковых)². Представляется, что эти подходы описывают лишь часть картины, которая заслуживает более системного изучения. По-видимому, изменения в сфере производства идей не просто следствие эволюции режима, а один из существенных ее аспектов. В свою очередь, хотя «системы идей» и имеют некую внутреннюю связность, их успех определяется не столько логической последовательностью и степенью соответствия «опробованным» классическим образцам, сколько релевантностью наличным (всегда уникальным и неповторимым) обстоятельствам и потребностям конкретных политических акторов.

На наш взгляд, анализ идейно-символического пространства в трансформирующемся обществе должен учитывать изменение среды, в которой эти идеи производятся, распространяются и соперничают друг с другом. Исходя из этого в настоящей коллективной монографии предпринята попытка комплексного исследования конфигурации пространства политических идей во взаимосвязи с институциональными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи производят, а также с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращение последних³. Пред-

¹ В частности, как результат изменения партийной системы, которая служит институционализированным воплощением плюрализма идеологических платформ (см.: Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 46–58). Впрочем, есть и работы, указывающие на обратную связь между отсутствием в обществе внятных идеологических водоразделов и слабостью политических партий (см.: Макаренко Б. «Нанопартийная» система // *Pro et contra*. 2007. Т. 11. № 4–5 (38). С. 44–45).

² Примеры см. выше.

³ Настоящая монография продолжает работу, осуществляемую членами Исследовательского комитета РАПН по изучению идей и идеологий в пу-

лагаемая вниманию читателя книга является результатом *проекта, инициированного Исследовательским комитетом Российской ассоциации политической науки по изучению идей и идеологий в публичной сфере* в рамках проекта РАПН/Фонда Макартуров «Политическая наука в России: профессионализация, международная интеграция, выведение на уровень мировых стандартов», а также получившего поддержку Российского гуманитарного научного фонда, грант № 10-03-00209а.

В качестве рамочного понятия, обозначающего объект нашего исследования, используется термин *идейно-символическое пространство*, что обусловлено двумя соображениями. Во-первых, хотя основной политических коммуникаций несомненно являются вербально оформленные «идеи», представленные в виде понятий, принципов,

бличной сфере, созданного в 2006 г. Ранее Исследовательским комитетом были подготовлены и опубликованы следующие работы: Малинова О.Ю. Динамика производства и распространения политических идей в постсоветской России: к постановке вопроса // Публичное пространство, гражданское общество и власть... С. 321–332; Каплун В.Л. Что такое Просвещение? – Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Там же. С. 333–345; Вязовик Т.П. Роль публичной сферы в распространении консервативно-охранительного дискурса начала XIX столетия // Там же. С. 346–359; Усягин А.В. «Воронки» массовой коммуникации в советской политической системе 1950–1980-х гг. // Там же. С. 360–370; Мишанова Е.В. Консервативный сдвиг в контексте трансформации российской медиаполитической системы // Там же. С. 371–382; Зиновьев А.О. Лидерство в концепции коммуникативного государства: сравнительный анализ политических дискурсов В. Путина и М. Ходорковского // Там же. С. 383–392; Казанцев А.А. «Суверенная демократия» в современной России...; Фадеичева М.А. «Непредставленная» идеология и дискурс «нашизма»; Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // Политическая наука. 2009. № 4. С. 5–24; Казанцев А.А. «Конструктивистская революция», или О роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений // Политическая наука. 2009. № 4. С. 88–114; Гаврилова М.В. Инаугурационная речь: Идеальный проект дела и идейная основа объединения общества // Политическая наука. 2009. № 4. С. 138–156; Вязовик Т.П. Особенности дискурса современных российских традиционалистов-консерваторов // Политическая наука. 2009. № 4. С. 157–175; Мишанова Е.В. Проблема операционализации идеологического поля в контент-аналитических исследованиях // Полис. 2010. № 3. С. 69–79; Гаврилова М.В. Эмпликация идеологических представлений политика: лингвокогнитивный подход // Полис. 2010. № 3. С. 80–89; Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3. С. 90–99; Казанцев А.А. Грамматика «русской идеи», или как создавать новые идеологии в России // Полис. 2010. № 3. С. 100–113.

концепций, доктрин, программ и т. п., существенную роль в них играют и невербальные способы означивания. Причем по мере развития современных технических средств коммуникации, основанных на аудиовизуальных формах представления информации, рациональные способы репрезентации все активнее дополняются чувственно-эмоциональными. По мнению некоторых исследователей, это обстоятельство является причиной очередного «конца идеологий» как упорядоченных «систем верований»: «идеология» вытесняется «имиджеологией» и, что немаловажно, меняется не только круг субъектов, вовлеченных в процесс производства символических форм, но и характер «потребления» последних¹. Таким образом, сфера применения понятия *идеологии* в его традиционной интерпретации – *в качестве набора более или менее целостных и упорядоченных систем идей и осознанных убеждений, которые служат для определения и оправдания социальных действий*, – сужается. Правда, в конце XX в. данный концепт был подвергнут реинтерпретации, результатом которой стало понимание идеологии как *способа функционирования символических форм* (не только идей, но и образов, действий и даже вещей – всего, что может быть наделено смыслом) *в контексте отношений власти, господства, неравенства* и т. п.² Однако учитывая, что новые

¹ См.: Bauman Z. In Search of Politics. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 1–7; Freedman M. Political Ideology at Century's End. P. 9–14; Simons J. Ideology, Imagology, and Critical Thought: The Impoverishment of Politics // Journal of political ideologies. 2000. Vol. 5. № 1. P. 81–103; Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5–23; Соловьев А.И. Доклад на семинаре «Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии» // Полис. 2004. № 4. С. 28–36 и др.

² Согласно формулировке британского социолога Дж.Б. Томпсона, «анализ идеологии должен ориентироваться не столько на светские системы убеждений, формулируемые и выражаемые организованными политическими группами, сколько на то, как различные символические феномены функционируют в социальном мире, пересекаясь с отношениями власти» (Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford, 1990. P. 265). Подробнее о реинтерпретации концепта идеологии и возможности его использования для изучения символического пространства современной политики см.: Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–31; Малинова О.Ю. Доклад на семинаре «Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии» // Полис. 2004. № 4. С. 37–42). Вместе с тем есть и попытки реинтерпретировать понятие идеологии за счет сужения его содержания. Так, С. Хансон в своей недавней работе определяет идеологию как «ясное и последовательное определение критериев членства в желаемом политическом

интерпретации пока не стали общепринятыми, мы предпочитаем говорить об *идейно-символическом пространстве* как совокупности идей, образов, символов, нарративов, мифов и проч. способов репрезентации смыслов, способных образовывать более или менее устойчивые комбинации и служить ориентирами для политических акторов. В качестве инструментов анализа этих комбинаций авторы монографии используют понятия «идеи», «идеологии», «дискурсы», «идеологические предпочтения» и др., рабочие определения которых уточняются в текстах глав. При этом основное внимание все-таки уделяется вербально оформленным смыслам, поскольку их роль в политических коммуникациях остается определяющей.

Во-вторых, для характеристики связей и отношений между символическими формами, опосредующими политические процессы, используется метафора «пространства», а не «спектра». Не отрицая значение «право–левой» шкалы для анализа политических различий в российском контексте¹, следует признать, что структура идеологических размежеваний гораздо сложнее и многомернее². Она определяется наличием множества не совпадающих друг с другом водоразделов, заданных различиями ценностно детерминированных подходов к решению социально-экономических и политических проблем, цивилизационной самоидентификации, оценке роли государства, коллективного прошлого, принципов нациестроительства и проч. Поэтому мы видим свою задачу не столько в «картографировании» идеологического спектра и описании изменений, происходивших на протяжении последних двадцати лет в отдельных его сегментах,

порядке», способное задавать ориентиры для политической самоидентификации и служить основой коллективного действия (Hanson S. *Post-Imperial Democracies. Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 46–47). По мнению Хансона, такой подход дает возможность для операционализации понятия, позволяющей проследивать причинные эффекты идеологии.

¹ См.: Холодковский К.Г. Противостояние левые–правые: анахронизм или смена координат? // *Полис*. 2006. № 6. С. 81–96; Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. Идеологическое структурирование российского партийного спектра // *Политэкс*. 2007. № 1. С. 48–63 и др.

² Видимо, это не только российская тенденция: о необходимости двухмерной шкалы для анализа идеологических размежеваний говорят и исследователи американской политики. См.: Джанда К., Берри Д.М., Голдман Д., Хула К.В. Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США. М.: РОССПЭН, 2006. С. 55–58; Swedlow B. *Beyond liberal and conservative: Two-dimensional conceptions of ideology and the structure of political attitudes and values* // *Journal of Political Ideologies*. 2008. Vol. 13 (2). P. 157–180.

сколько в анализе тенденций, связанных с формированием и развитием альтернативных способов интерпретации социальной реальности и соотнесенных с ними дискурсивных практик.

Такой подход побуждает уделять особое внимание «производителям» политически значимых смыслов, и в первую очередь представителям *политического класса*. По заключению О.В. Гаман-Голутвиной, данная категория шире, нежели *политическая элита*, ибо она «охватывает не только тех, кто принимает политические решения, но также широкий круг лиц, профессионально занимающихся теми или иными аспектами политики» и «оказывающих косвенное влияние на политический процесс»¹. В производстве, распространении и конкуренции политически значимых идей и смыслов помимо лиц, принимающих решения, активно заняты журналисты, аналитики, политические консультанты, спичрайтеры, а также ученые, изучающие политику. Последние, безусловно, составляют особую группу, поскольку производимые ими смыслы облечены в форму, восприятие которой требует специальной подготовки, и циркулируют преимущественно (хотя и не исключительно) в рамках их собственной профессиональной среды. Впрочем, каждый из сегментов политического класса специфичен, ибо по-разному локализован по отношению к публике и власти. Если для политиков функция производства смыслов является производной от решения других задач – борьбы за власть, мобилизации поддержки, легитимации политического курса и проч., то для других представителей политических профессий именно она является основной. Наконец, политически значимые смыслы порождаются не только в контексте собственно политических дискуссий – они существуют в более широком культурном поле, приобретая соответствующую окраску в зависимости от контекста. Исходя из этого объектами нашего внимания стали не только политики (прежде всего, вовлеченные в программно-идеологическую деятельность партий), но и журналисты, а также «публичные интеллектуалы».

По-видимому, то, каким образом в трансформирующемся обществе производятся, распространяются и конкурируют идеи, определяется не только свойствами участвующих в этих процессах акторов (их когнитивными и ценностными установками, мотивацией, профессиональными навыками и т. п.), но и складывающимися правилами, нормами, стимулами, коллективно формируемыми стратегиями, т. е. институтами². Поэтому в монографии предпринята попытка про-

¹ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 17.

² См.: Патрушев С.В. Институционализм в политической науке // Институциональная политология: Современный институционализм и полити-

следить основные векторы трансформации институтов публичной сферы постсоветской России, определяющие изменение условий «идеологического производства». *Публичная сфера* рассматривается как социальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются политические идеи и вопросы общей значимости, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности. Публичная сфера локализована в различных институтах и сочетает разные форматы общения: как «живые», так и опосредованные письменными текстами. Она конструируется множеством частично пересекающихся «публик», границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем. Объем публичной сферы зависит как от меры дозволенного государством, так и от циклических колебаний интереса к общественным проблемам. В качестве критериев для оценки состояния и изменения публичной сферы могут выступать: степень автономии публичной сферы от официальной и частной сфер, ее открытость для разных сегментов общества, ее фрагментированность, структура каналов коммуникации (сочетание «живого» обсуждения и общения посредством печатных текстов, особенности циркуляции последних) и др. Более обстоятельный анализ эвристических возможностей данного понятия представлен в третьей главе.

Структура монографии определяется поставленными в ней задачами. Первый ее раздел посвящен вопросам теории и методологии. Его открывает глава, подготовленная *О.Ю. Малиновой* и рассматривающая методологические проблемы, связанные с использованием идей в качестве независимых переменных, влияющих на политические институты и процессы. В главе анализируются различные способы концептуализации и операционализации идей в исследованиях политики, а также итоги недавней дискуссии о причинном значении идей. Автор приходит к выводу, что продуктивнее отказаться от логики линейной причинности и видеть в идеях контекст, который задает рамки для действий акторов, но не детерминирует их однозначно и обосновывает целесообразность комплексного исследования идей с учетом институциональных изменений публичного пространства и особенностей стратегий его участников. Во второй главе, написанной *М.А. Аль-Дайни*, рассматриваются некоторые тенденции эволюции идеологий, связанные с качественной трансформацией структурно-функциональных оснований, законов организации и самой сущности идеологии в контексте современных информационно-коммуникационных процессов. Автор противопоставляет манипу-

лятивные идеологии, направленные на достижение электорального результата и ориентированные на массовые настроения, «традиционным», отличающимся большей системностью и разрабатываемых не только технологически, но и на уровне теории. В третьей главе *А.О. Зиновьев* предлагает анализ одного из центральных понятий коллективной монографии – концепта публичной сферы как социального пространства, где возможно формирование общественного мнения по вопросам, касающимся отношений между управляющими и управляемыми. Рассматривая возможности различных подходов к работе с данным понятием, он отдает предпочтение теории Ю. Хабермаса и, в частности, показывает перспективность применения предложенной им типологии на российском материале.

Во втором разделе исследуются тенденции развития идейно-символического пространства в постсоветской России. Его открывает глава *Е.В. Мишановой*, в которой прослеживаются соответствия между доминирующими тенденциями в эволюции идейно-политического спектра в конце 1980-, 1990- и 2000-х гг. и изменением идеологических предпочтений россиян. Для объяснения «зигзагов» идеологических трансформаций на массовом уровне автор использует концепцию Л. Гринфельд, изначально разработанную для изучения формирования национальной идентичности. Согласно выводу автора с конца 1990-х гг. в российском обществе доминирует социально-консервативный комплекс идеологических предпочтений: в нем сочетаются ценности сильного социального государства, возрождения России как великой державы и ее особого пути развития, проблемы социальной справедливости, возвращения к традициям, защиты национальных интересов и т. д. Наблюдающееся в последние три года незначительное усиление либеральной компоненты, по мнению *Е.В. Мишановой*, не меняет принципиально сложившуюся систему массовых идеологических предпочтений. В пятой главе, написанной *Т.П. Вязовик*, рассматриваются поиски идеологии, идеи которой могла бы приобрести статус общенациональной, и анализируются основные варианты такого рода конструкций. Автор подчеркивает амбивалентность, «коллагность» идеологического проекта консервативной модернизации, благодаря чему успешно «найденная» консервативная идея оказывается зонтиком, способным охватывать разные идеологические конструкты. В шестой главе, подготовленной *Э.Д. Понариным*, анализируются источники, механизмы распространения и сценарии развития современного русского национализма. Автор приходит к выводу, что основным источником националистических построений в постсоветской России стала глобализация и связанные с ней антизападнические настроения; влияние двух других факторов – русской диаспоры и наследия советского федерализ-

ма – до сих пор было не столь значимым. Однако в последнее время в роли главного Значимого Другого все больше начинает выступать этнический Другой. И это обстоятельство снижает эффективность усилий власти, направленных на формирование мультикультурной российской нации. В седьмой главе *М.В. Гаврилова* рассматривает идеологические представления ведущих политических партий на материале предвыборных программ 2003 и 2007 гг. Завершают раздел две главы, посвященные изучению важных тенденций в развитии современного российского идейно-символического пространства: секьюритизации российского и мирового политического дискурса в середине 2000-х гг. (*А.А. Казанцев*) и диалектики универсализма и культурного контекстуализма (*В.М. Капицын*).

В третьем разделе предпринята попытка проследить особенности публичной сферы в постсоветской России сквозь призму ее основных институтов и акторов. Его открывает глава *Л.Н. Тимофеевой*, посвященная становлению и развитию политических коммуникаций в постсоветской России. Прослеживая основные этапы эволюции взаимоотношений власти и СМИ, автор уделяет особое внимание проблеме освещения в СМИ выборов 1990–2000-х гг., доказывая, что недобросовестное использование технологий массовых коммуникаций привело к снижению доверия и к власти, и к СМИ. Предметом особого внимания в этой главе стала эволюция диалога власти и оппозиции, рассматриваемая с точки зрения диалектики дискурса конфликта и дискурса согласований. По мнению Тимофеевой, ответственность за «баррикадизацию» общественного сознания в 1990-х гг., кроме власти и оппозиции, несут средства массовой информации, опосредовавшие этот дискурс. Тему акторов, участвующих в производстве и обращении политических идей, продолжают две главы, посвященные соответственно политическим партиям и интеллектуалам. В одиннадцатой главе *О.А. Толтыгина* исследует факторы, влияющие на реализацию идеологических функций российских политических партий в 1990-х и в 2000-х гг. Она приходит к выводу, что в 2000-х гг. в условиях монополизации политического пространства произошло сужение идеологического спектра: партии стали ориентироваться на статусных игроков, в зависимом положении от которых они оказались. Это существенно ограничивает рынок идеологических предложений, хотя и не исключает потребности в партиях как производителях идей. В двенадцатой главе *Л.А. Фадеева* рассматривает эволюцию группы, которая традиционно выполняла роль «оформителя» идейно-символического пространства; в центре ее внимания – развитие дискурса о самоидентификации интеллигенции с момента перестройки до настоящего времени, а также смена доминирующих идеологических тенденций, интерпретируемая как «смена вех», отражаю-

щая изменение самого «мыслящего сословия». В тринадцатой главе, анализируя некоторые меры, реализуемые в рамках административной реформы, *К.А. Сулимов* показывает, как государство фактически внедряет новые социальные практики, основанные на влиятельной идее потребительства, консюмеризма в сфере политических отношений. По мысли автора, теоретически это может привести к существенному изменению отношений между гражданами и государством, которые до сих пор основывались на патернализме первых и патриархальном характере властвования второго. Вместе с тем Сулимов показывает ограничения технологического подхода к внедрению рассматриваемых инноваций и справедливо полагает, что в отсутствие публичного обсуждения политического курса, направленного на изменение идеологии поведения государства, граждане будут усваивать «новое» потребительство в самой «примитивной» форме. Элементы институциональной среды для диалогического дискурса существуют – в том числе и благодаря усилиям государства, однако эта среда пока недоформирована и работает точно и неэффективно. В четырнадцатой главе *А.В. Семенов* на примере Тюменской области исследует институты и практики региональной публичной сферы. Предметом его анализа являются дискуссионные площадки, организованные партиями и другими акторами, средства массовой информации и общественные организации. Автор делает вывод о преимущественно репрезентативном характере публичной сферы: согласно приведенным им данным политическую повестку в регионе задают органы государственной власти, контролирующие наиболее важные дискуссионные площадки; вытеснение альтернативных дискурсов на периферию закрепляется институционально.

В заключительной главе, написанной *О.Ю. Малиновой*, предпринята попытка сопоставить этапы трансформации публичной сферы и динамику идейно-символического пространства с конца 1980-х до начала 2010-х гг. По заключению автора, в результате политических и экономических реформ 1990-х гг. в России сложилась особая конфигурация публичного пространства: в нем выделяется «ядро», представленное телевидением (точнее, его федеральными каналами), и разноуровневая «периферия», образованная каналами коммуникации, привлекающими менее многочисленную аудиторию – газетами и журналами, радио, кабельным телевидением, Интернетом, а также многочисленными публичными площадками, где общение происходит в «живом» режиме (форумы, конференции, семинары, дискуссионные клубы и т. п.). Данное обстоятельство влечет за собой два важных следствия: во-первых, шансы разных дискурсов на «популярность» зависят от того, насколько он представлен в «ядре» публичного пространства; во-вторых, чтобы эффективно управлять

общественной «повесткой дня», достаточно контролировать наиболее массовые каналы коммуникации: арены, образующие «периферию» публичной сферы, слишком малочисленны и разрознены, чтобы оказывать существенное влияние. В силу ряда причин в 1990-х гг. в России не удалось создать эффективные арены для обсуждения общественно значимых проблем и способов их решения. Воспринимая отсутствие ценностного консенсуса как проблему, в начале 2000-х гг. правящая элита взяла курс на установление «согласия сверху» путем частичного ограничения плюрализма в «ядре» публичной сферы и одновременно – попыток внедрения своего рода «частичной» идеологии, эклектически сочетающей элементы разных дискурсов. К сожалению, эта стратегия препятствует формированию влиятельных альтернативных программ, способных последовательно структурировать общественные дискуссии. По мнению Малиновой, дальнейшие перспективы развития конкуренции идей в публичной сфере зависят от того, в какой мере механизм передачи власти в 2011–2012 гг. будет зависеть от открытого соревнования программ.

Не претендуя на полноту проделанного анализа, авторы рассматривают свою работу как демонстрацию возможностей подхода, который застуживает внимания и развития.

О. Ю. Малинова